

Александр Малнач
Рига, Латвия

ПО КРОВАВЫМ СЛЕДАМ ПАМЯТИ: «ЗАПИСКИ» ЭЛЬМАРА РИВОША

Хозяин. Будем держаться как взрослые люди. И в трагических концах есть свое величие.

Эмилия. Какое?

Хозяин. Они заставляют задуматься оставшихся в живых.

Эмилия. Что же тут величественного? Стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных. Терпеть я этого не могу.

Евгений Шварц. Обыкновенное чудо

Рукописи не горят.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Предсказание Эльмара Ривоша сбылось. О Холокосте пишут много и хорошо. Жертвам Холокоста воздвигнуты памятники из всех мыслимых материалов. А достало бы одного: «Записок» Ривоша. Он был скульптором, но самый главный свой труд изваял в слове.

В 2006 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Эльмара Ривоша, автора воспоминаний о Рижском *гетто. В 2007 г. исполняется 50 лет со дня его смерти. Самое время отдать дань памяти и поговорить об этом удивительном человеке и его книге.

«Как и человек, книга имеет свою судьбу. У «Записок» скульптора Эльмара Ривоша она драматична»¹, — пишет в предисловии к их научному изданию Григорий Смирин, который и подготовил к публикации обширный рукописный материал, долгие годы хранившийся в старинном шкафу на чердаке дома семьи Ривош.

Только в 2006 г. появилось полное издание «Записок». На языке оригинала, по-русски, книга вышла из печати летом, в переводе на латышский — осенью². Увесистый фолиант, без малого шестьсот страниц текста. Из них более двухсот приходится на главы «Начало конца» и «Началось», охватывающих период с 22 июня 1941 г. по 4 февраля 1942 г. — день побега из гетто.

*

Ворота Рижского гетто закрылись 25 октября 1941 г. Семья Эльмара Ривоша (мать, жена и двое детей) перебралась туда еще в конце сентября. В тот год зима началась уже в октябре, к несказанной радости узников гетто. Что немцу — смерть, то еврею хорошо.

Эльмару удалось отыскать и вместе с женой привести в жилой вид хибарку, которую никто из переселявшихся в гетто людей и смотреть не пожелал. Он делал все, чтобы семья не страдала от голода. Скульптор сделался печником и работал сверхурочно, чтобы принести детям баночку варенья или пару яиц.

Но это еврейское счастье длилось недолго. 28 ноября 1941 г. вышел приказ: мужчинам от 17 до 60 в семь утра следующего дня выстроиться колоннами на улице Садовникова. И приказ номер два: все неработающие мужчины и женщины с детьми должны подготовиться к переселению в некий «трудовой» лагерь. С собой разрешалось брать только личные вещи, не более 20 кг. Гетто разделили на «малое» (выделив под него

¹ Смирин Г. Предисловие // Ривош Э. Записки. Рига, 2006. С. 5.

² Rivošs Ē. Piezīmes. R., 2006. В 2008 г. вышло в Риге вышло и английское издание «Записок» Э. Ривоша, включающее только три их главы, отражающие события Второй мировой войны (Rivosh E. Memoirs. Riga, 2008).

несколько кварталов), куда согнали трудоспособных мужчин, и «большое», где остались женщины, старики и дети. Через сутки, в ночь с 29 на 30 ноября, состоялась первая акция по уничтожению тех, кого оставили в «большом гетто». Вторая акция последовала 8 декабря. «Большое гетто» фактически перестало существовать. «Освободившуюся» жилплощадь заняли евреями, которых депортировали в Ригу из Германии, Австрии и Чехии. Так «большое гетто» превратилось в «немецкое» — его узники говорили по-немецки.

Потеряв семью, Эльмар Ривош потерял и ту цепь, которая приковывала его к гетто. Он подготовил и осуществил побег. Рыжеволосый, совсем непохожий на еврея, свободно говоривший и по-латышски, и по-немецки, Ривош выбрался из западни. Два с половиной года он провел в подполье.

*

За воспоминания о Рижском гетто Ривош принялся зимой 1943-го, «под влиянием» навещавшей его в тайном убежище Людмилы Знотинь. Ее, в свою очередь, надоумила подруга — поэтесса и драматург Татьяна Сологуб-Раухингер. «Писал я карандашом на отдельных больших листах. Люся, уходя, забирала мою писанину с собой и уносила к Тане Сологуб, а та закапывала все в своем саду»³. Так появились главы «Начало конца» и «Началось».

На несколько лет работа над воспоминаниями стала смыслом жизни подлежавшего, но избежавшего казни человека. «Думаю, что если меня не будет, тебе все же следует устроить, чтобы это читали не только ты и Ната (сестра автора. — А. М.)»⁴, — писал Эльмар Ривош своей будущей жене Людмиле Знотинь 4 июля 1944 г. Автор выжил, и рукописи уцелели.

В 1945 г. Василий Гроссман подготовил их к публикации в «Черной книге»⁵. Однако «Черная книга» так и не увидела свет. А главы «Начало конца» и «Началось», получившие известность в кругу специалистов как «рижский манускрипт», зажили своей собственной жизнью. Урезанный, сильно адаптированный к требованиям советской цензуры, машинописный вариант двух названных глав (автор подготовил его в надежде на публикацию) циркулировал в «самиздате», обрастая искажениями с каждой новой перепечаткой.

Уже после смерти Эльмара Ривоша, в 1961 г., очень короткие фрагменты из «Записок» были опубликованы на латышском языке в журнале *“Padomju Latvijas Sieviete”* («Женщина Советской Латвии»), а в 1962 г. две упомянутые главы напечатали в переводе

³ Ривош Э. Записки. Рига, 2006. С. 368.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ «Черная книга» — сборник материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составившемся под редакцией писателей Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. «Черная книга» создавалась с 1943 г. в рамках международного проекта, в котором приняли участие А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер и другие выдающиеся интеллектуалы и общественные деятели. Сбором материалов для книги занимался *Еврейский антифашистский комитет, и ее рукопись фигурировала на начавшемся в ноябре 1945 г. Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками. Однако уже набранная книга тогда так и не увидела свет — ее набор был уничтожен в 1948 г. при ликвидации Еврейского антифашистского комитета сталинским режимом. Сделанный в 1947 г. и сохранившийся в архиве И. Эренбурга корректурный оттиск «Черной книги» был издан в Иерусалиме только в 1980 году. В Советском Союзе книга была переиздана в 1991 г. в Киеве, а в постсоветский период ее новое издание было осуществлено в 1993 г. в Вильнюсе. В тексте Вильнюсского издания были восстановлены все изъятия (выделены шрифтом), сделанные советской цензурой (около 100 страниц), в том числе и в тексте из «Записок» Эльмара Ривоша. В 1995 г. «Черная книга» была издана на немецком языке в Германии, а в 2002 г. на английском — в США. Возможно, существуют и другие издания. — *Ред.*

на *идиш в московском журнале «*Советиш Геймланд*» («Советская родина»)⁶. И только в 1987 г. этот вариант, наконец, вышел по-русски в сборнике «Год за годом».

В 1991 г. стало известно, что воспоминания Эльмара Ривоша имеют еще одну главу — «Погреб». История его спасения, охватывающая период со дня побега из гетто до бегства гитлеровцев из Риги в октябре 1944-го, была опубликована в переводе на латышский язык в газете «*Literatūra un Māksla*» («Литература и искусство»). Имели место и другие публикации. С апреля по июль 1996 г. рижская газета «СМ-сегодня» печатала фрагменты двух центральных глав.

Серьезная работа по подготовке переиздания «Записок» Эльмара Ривоша на русском и латышском языках началась в 2005 г. по инициативе председателя попечительского комитета Совета еврейских общин Латвии Виталия Готлиба.

*

Редактировавший издание Григорий Смирин отказался от всех поправок, имевшихся в прежних публикациях, в том числе и гроссмановских. Они, как оказалось, не только обедняли первоисточник, но в ряде случаев даже искажали смысл написанного автором. Когда же начались разговоры о том, чтобы «убрать некоторые моменты, связанные с социальным расслоением в гетто и разобщенностью евреев»⁷, редактор пошел ва-банк: «Если будут настаивать, то я вообще ничего делать не буду. Иначе у меня будет чувство, что я что-то украл». К счастью, он был услышан.

«Записки» Эльмара Ривоша сохранили присущий им изначально характер документа эпохи, не утратив при этом своего художественного значения. Трудно сказать, какая из сторон этого произведения, документальная или художественная, сегодня важнее. Разделять их не следует. Художник от природы, скульптор по призванию и профессии, Эльмар Ривош оказался талантливым писателем. Проза Ривоша похожа на него самого. По-мужски сдержанная, скуповатая на проявление чувств, чурающаяся внешних эффектов и пафоса, она подкупает своей естественностью и искренностью. Ей передалось присущее самому автору обаяние.

В большей мере эти эпитеты относятся к тем миниатюрам в прозе, которые Эльмар Ривош писал или диктовал (не будучи уже в силах писать сам) после войны. Об их существовании не подозревали даже члены его семьи. И только после того, как завершилась работа по подготовке к печати основных глав «Записок», длившаяся все лето 2005 г., их обнаружили на чердаке, того же дома в неразобранном архиве автора.

С миниатюрами возникла проблема. Небольшие по размеру, но вполне завершенные по форме автобиографические зарисовки, подчас разворачивающиеся в полноценный рассказ или повесть, освещают как довоенный, так и послевоенный периоды жизни автора. В каком порядке их печатать? Никаких указаний на сей счет оставлено не было. Объем и значение трех основных глав как бы диктовали редактору выделить их особо. Но тот отдал предпочтение хронологии. И не ошибся. Композиция книги приобрела логическую стройность. Перед читателем последовательно предстают все этапы драматичного жизненного пути Эльмара Ривоша.

*

Описанию катастрофы латвийских евреев предшествуют исполненные неприязательной поэзии и уютной такой простоты картины быта отдельно взятой, но

⁶ «*Советиш Геймланд*» («Советская Родина») — литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей СССР на идише (1961—1991). — *Ред.*

⁷ Например: «Даже на “*žīdu punkts*” появилась аристократия» (С. 166). Или: «...и у нас (в гетто. — *А. М.*) имеются бездны и чуть ли не высоты. У нас имеется тюрьма, куда наша же полиция прячет воров и взломщиков — таковые тоже имеются. У нас есть проститутки, даже квартирки — нелегальные, негласные бардачки» (С. 233). («*Žīdu punkts*» — «жидовский пункт» (*латыш.*). Имеется в виду учреждение, ведавшее распределением рабской еврейской рабочей силы в оккупированной Риге до создания гетто. — *Ред.*)

окруженной родственниками, друзьями, собаками, кошками, соседями, знакомыми и прочей живностью еврейской семьи. Воображение рисует страну, которой нет на карте, но которая существует. Ее границы размыты, и столица у нее непонятно где. Рига, Варшава, Париж, как, впрочем, и другие города, с равными основаниями могут претендовать на звание центра этой вселенной, населенной преимущественно евреями, но не только. Встречаются в ней люди и иных «пород». (Старый немец, профессор ветеринарных наук Гротенталер объясняет 14-летнему Эльмару, принесшего к нему заболевшего чумкой щенка, что «для собаки порода не играет роли»⁸. А для человека?)

Переход от идиллии с редкими, сравнительно легко перевариваемыми вкраплениями драмы и даже трагедии, к ужасам войны шокирует. Для самого Эльмара Ривоша это было иначе: «Лежу, и вспоминаются прожитые годы, и кажется, что и моя юность кончилась только что и что сразу, *без перехода*, настала душевная старость, душевная смерть»⁹. Но у читателя впечатление не было бы таким полным (я осмеливаюсь говорить о «Записках» как о художественном произведении, что ни в коем случае не умаляет их значения документа), если бы немотивированность страданий, выпавших евреям в годы войны, не вытекала со всей очевидностью из «довоенных» глав «Записок». Довоенная жизнь, пусть и не лишенная своих тягот, забот и горестей, все же порой улыбалась и временами даже сулила счастье. А когда счастье пришло, все отняла.

Тут вот что еще нужно отметить. Эльмар Ривош отнюдь не слабак. Он и в реальной жизни, и как герой воспоминаний, человек с головой и руками. Он нигде в своих довоенных рассказах не читает нравоучений (хотя и не чужд морализаторства), но философия ответственности каждого индивида за свои поступки и за свою судьбу вытекает из них самым ненавязчивым образом. Все или почти все в судьбе человека зависит от него самого. От желания и умения найти свое место в жизни, желания и умения строить отношения с окружающими зависят успех и счастье человека. Тема рока, давящего, не разбираясь в личных качествах и достижениях, присутствует в довоенных рассказах, но звучит под сурдинку.

Свободы выбора человека лишает война. Зима 1941—1942 гг. практически не оставляет шансов оказавшимся на оккупированной немцами территории евреям. Тема рока стремительно нарастает, усиливается, становится оглушающей, надрывающей душу. Внезапно мир съезживается. Его пределы оказываются очерчены границами Рижского гетто. В то же время трагедия становится безграничной. Всеохватной. Но по законам искусства (в жизни бывает иначе) она (трагедия) не имеет права на блицкриг. Соответствующее вступление здесь необходимо.

*

Довоенные главы и играют роль такого вступления. В них (в целом мажорных) есть строки, напоминающие отдаленные раскаты надвигающейся бури. Первая мировая война и русская революция как будто обошли стороной семью Ривош, но сломали жизнь Петру, сыну русской няни главного героя. Сцена отчаяния при получении Петром известия о смерти жены и детей — прелюдия того горя, которое обрушилось спустя 23 года на пленников Рижского гетто.

А в рассказе «Боська», что посвящен первой личной собаке автора, есть такие строки: «Я отвел его на место усыпления собак (Боська на старости лет заболел паршой — А. М.), гладил и успокаивал его, когда на него надевали собачью маску с хлороформом... Я бы рыдал, но в ту пору я не умел плакать»¹⁰. Эльмару было тридцать лет.

И еще один фрагмент из довоенных воспоминаний Эльмара Ривоша. Очень важный. Речь идет о детской забаве. Совсем еще маленькими Рыжик (детское прозвище Эльмара), его сестра Натка, бывшая все же на два года постарше, и еще один мальчишка

⁸ Ривош Э. Указ. соч. С. 48.

⁹ Там же. С. 166.

¹⁰ Там же. С. 52.

играли в фанты: привязывали друг друга к дереву и требовали выкуп. Когда очередь дошла до Рыжика, то произошло следующее: «Ната... запустила руку в мой карман, вытащила монеты и, повертев их перед моим носом, сунула обратно в карман и, не вынимая руки, стала щекотать мой живот. Не довольствуясь этим, она сорвала стебель травы и стала щекотать им мои ноздри и уши. На мои просьбы об освобождении она смеялась и продолжала щекотать. У меня от бессильной злобы навертывались слезы на глазах, она всем этим упивалась. Потом она сделала для меня нечто непонятное, чего никогда не делала. Она придвинула свое лицо вплотную к моему и плюнула в меня. ...Этот поступок, как для меня, так и для нее по сей день непонятен»¹¹.

Непонятен?! Аналогия с тем, что творилось зимой 1941—1942 гг. мне представляется здесь очевидной. Вещий сон, да и только. Более того, в этом «сне» раскрывается психологическая сторона Холокоста.

Беззащитный, неспособный оказать сопротивление человек, имевший глупость или слабость (что, в сущности, одно и то же) дать привязать себя к дереву, неизбежно провоцирует жестокость по отношению к себе. И чем меньше у него возможностей для самообороны, тем катастрофичнее последствия.

Как евреи оказались в положении Рыжика, автор «Записок» не анализирует. Есть, правда, в главе «Начало конца», одно место, где автор размышляет на эту тему.

«Сосед, латыш, мне сказал, что не понимает евреев, как они со всем этим мирятся, никто из евреев не защищается, когда его бьют или собираются прикончить, обвиняет нас в трусости, — пишет Эльмар Ривош. — Думаю, что евреи не храбрее и не трусливее других. Дело с нами обстоит совсем не так. <...> Все люди, неевреи, ответственны каждый за себя, а собой, своей жизнью, при случае, играть нетрудно. Еврей веками приучен, что за всякий проступок отвечает не только он, а евреи как народ. Поэтому евреями страшно легко управлять: каждый из нас знает, что, если он не сдержит себя, даст волю чувству протеста, ответит не только его семья, а весь коллектив, все евреи. “Храбрый еврей” не есть храбрый, а просто человек, не владеющий собой»¹². Быть может, и так.

Однако встречный вопрос. Как латыши мирились с политикой Германии в отношении евреев? У Эльмара Ривоша ответ на него так же многосложен, как многосложна сама жизнь. Одни боялись, другие мстили за советскую власть (о том, как нацистская пропаганда создавала миф о вине евреев за советизацию Латвии автор тоже пишет в «Записках»), третьи просто мстили непонятно за что, у четвертых безнаказанность распаляла жажду насилия, пятые одобряли происходящее из чувства зависти, шестые использовали ситуацию для личного обогащения («Немцы латышам бросили кость — евреев. Латыши (большинство) зубами в эту кость вцепились. Кость оказалась жирная. Пир горой»¹³). А немцы, не преуспев в организации «стихийных» еврейских погромов, стали проводить политику «по листочку, по листочку».

«Сразу взять всех евреев и уничтожить неловко, — пишет автор. — Могут запротестовать — как евреи, так и окружающие. Нужно и тех, и других к этому подготовить»¹⁴. Вот и затягивали петлю постепенно. Сначала *звезды Давида нашить на одежду приказали, затем в очередях стоять запретили, больницы для евреев закрыли, радиоприемники обязали сдать, воспретили ходить по тротуарам, а также читать прессу и даже курить. И все это на фоне беспорядочного, но непрекращающегося индивидуального террора против евреев и массовой антисемитской пропаганды в средствах массовой «информации» («Газеты — шедевр!»¹⁵ — восклицает автор). В провинции вообще «еврейский вопрос» решили быстро, без сантиментов. После этого организация гетто не

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Там же. С. 170—171.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 169.

¹⁵ Там же. С. 164.

казалась таким уж вопиющим нарушением прав человека. Ривош переселение на его территорию воспринял даже с облегчением. Среди своих все-таки...

Но «не все немцы сволочи». И с латышами не все так однозначно. Одни убивали, другие помогали, спасали. Сколько их было, безымянных доброжелателей и доброделателей? Иных Ривош называет по именам. И тут же: «Среди навозной кучи нашел жемчужину, но разве она может заставить кучу не вонять?»¹⁶ Неполиткорректная книга. Правдивая.

*

На протяжении двух центральных глав («Начало конца» и «Началось») автор, скрупулезно фиксируя увиденное и пережитое, по тому или иному поводу возвращается мыслями в довоенное время, к прежнему распорядку вещей. Эти реминисценции оттеняют ужас и безысходность обрушившегося на ни в чем не повинных людей горя. Несовместимость этих «тогда» и «теперь», «бессмысленность настоящего» буравит сердце. Предвоенный опыт самого автора, отраженный в первых главах, оказывается точкой отсчета и своего рода равнодействующей опыта жизни евреев в Латвии до и после обретения ею независимости.

Все семейство поднялось благодаря оборотистости деда. Дореволюционная Россия открывала известные возможности перед не обремененными образованием, но предприимчивыми людьми. Как и другие разбогатевшие евреи той поры, своих детей дед Эльмара выучил. На свою голову, что называется. Дело осталось без продолжателей. Своих сыновей, пишет Ривош, дед называл «великими химиками, объясняя это тем, что они умело превращали золото в дерьмо»¹⁷.

Вложенный в недвижимость капитал лишь замедлил процесс естественной экспроприации семьи. Чтобы обеспечить себя, ее членам приходилось трудиться. Мать Эльмара, рано овдовев, работала учительницей. Сам Эльмар, окончив среднюю школу, поучившись в Латвийском университете, Академии художеств и в парижской академии Коларосси, устроился на Кузнецовскую фарфоровую фабрику скульптором. Там он проработал до самой войны. О занятиях сестры Наты ничего не сообщается, кроме того, что она, как и многие ее сверстники из еврейских семей, была «замешана в политику» и причастна к коммунистическому подполью. В 1935 г. вместе с мужем она уехала в Палестину.

Идеи социальной справедливости близки и автору «Записок». Ривош принял советскую власть в 1940 г. Некоторые его высказывания кому-то покажутся выдержанными в чисто большевистском духе. Однако советским активистом Эльмар не стал. Незадолго до войны он женился, стал отцом двоих детей — мальчика и девочки. Типичная еврейская семья — небогатая, но интеллигентная, с прошлым и будущим. Ноль градусов по Цельсию.

*

«Сколько труда и надежд в жизни, построенной своим трудом, и как легко все это разрушить»¹⁸, — размышляет автор «Записок». Война так и поступила. Но именно в критических ситуациях человек обнажает свою суть. И как всякого большого художника, Ривоша увлекла задача изучить и отобразить поведение человека в нечеловеческих условиях. Первым и главным объектом исследования стал для него он сам. И ракурс выбран соответствующий: «Стараюсь писать не с точки зрения еврея, а человека вообще»¹⁹.

¹⁶ Там же. С. 168.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Там же. С. 473.

Только что такое нечеловеческие условия? Для Даниэля Дефо, автора «Робинзона Крузо», это заточение на необитаемом острове. Романтично. Для Диккенса и Достоевского — заточение в каменных трущобах Лондона или Санкт-Петербурга. Печально. Двадцатый век превратил тома классиков в собрание мелодрам. Русскому читателю, знакомому с «лагерной» прозой Шаламова, воспоминаниями Вадима Туманова и других узников ГУЛАГа, известно, что такое бездна отчаяния. Думается, Эльмар Ривош заглянул в бездну поглубже. Там он увидел и сумел показать, что даже в аду люди остаются людьми. Чтобы остаться человеком, нужно всего лишь им быть. Он увидел, что в нечеловеческих условиях люди нередко ведут себя так же, как и обычно, только меньше стесняются. Переквалифицировавшись из скульптора в печника и на все руки мастера, Эльмар Ривош мог наблюдать жизнь гетто и делать свои «психологические этюды» изнутри.

В гетто были своя аристократия и свои подонки. Кто бедствовал до войны, оказался и в гетто на дне. Кто до войны преуспевал, тот и в гетто всеми силами цеплялся за остатки бывшего благополучия. В то время как в одной из квартир, где Ривош-печник делал свою работу, слышались стоны умирающей матери четверых детей, в другой, этажом выше, витал аромат какао и жареной колбасы с луком. И в то время, как в первой квартире нищему отдали последний кусок, в квартире бывшего зонтичного фабриканта беднягу выставили за дверь, сославшись на бедность.

Все стало общим только тогда, когда немцы издали указ о переводе из гетто в «лагерь» женщин, стариков и детей. «Все соседи друг друга снабжают чем могут. Как жаль, что только в такой момент нужда стала чем-то общим, “моего” и “твоего” больше нет, есть только “наше”. Сегодня это так, но больше этого не будет, после этих дней я такого отношения больше не увижу»²⁰, — сокрушается автор «Записок». Указ 28 ноября 1941 г. был обманом. Всех нетрудоспособных ждали рвы в Румбульском лесу. Но надежда, как известно, умирает последней.

Я не стану писать о тех мучениях, что выпали на долю узников Рижского гетто. О них, ничего не чураясь, пишет в «Записках» Эльмар Ривош. Вопреки всему он сохранил в себе человека, даже в гетто оставаясь свободным. И если бы только не бесчеловечная логика войны... Но «чем хуже немцам на фронте, тем хуже евреям»²¹. Тоже мне, диалектика.

*

Главному герою удастся выжить. Как обычно, Мужчину спасает Женщина. В случае Эльмара Ривоша их было две. Чутье не подвело раненого зверя. Одна, Эмма Приеде, предоставила убежище. Другая, Людмила Знотынь, вернула надежду на счастье.

Рок отвлекся на время. Ривошу выпала передышка. Он описал ее в главе «Погреб». И снова переход — от томительного страха перед случайным провалом или предательством к тому душевному подъему, который вызывали близящееся (казавшееся несомненным) освобождение и новое чувство.

Еще разительнее следующий переход — к убийственной советской действительности. Автора и героя «Записок» сломило не гетто, его сломала советская власть. От тоски не спасали ни работа, которой ни души не согреешь, ни семью не прокормишь, ни зверье, с которым Эльмар Ривош возился в зрелые годы с той же страстью, что и в детстве, ни фирменное авторское чувство юмора. И при всем жизнелюбии автора выход только один: болезнь и ранняя смерть.

Эльмар Ривош скончался 23 ноября 1957 г. Ему был всего 51 год.

*

Скульптурные работы Ривоша можно видеть в музее. Многие из них воплотились в изделия Кузнецовской фарфоровой фабрики. Те, что пощадило время, расползлись по

²⁰ Там же. С. 251.

²¹ Там же. С. 228.

частным коллекциям. Проза Эльмара Ривоша стараниями Совета еврейских общин и его семьи стала общедоступной. Она теперь не «твоя», не «моя», но «наша».

«Записки» Ривоша — литературный памятник испепеляющей силы. Созданные в Риге, на русском языке, они сообщают нам о том, как это опасно дать привязать себя к дереву. И демонстрируют, что может случиться, если не успеть вовремя отвязаться.